

От редакции

*Присутствие иного воспринимается
нами как нарастающая угроза*

Митрополит Иоанн Зизиулас

Темой предшествующего номера нашего журнала была антропология насилия. Тема этого номера – антропология вражды. Соответствие получилось случайно, у нас не было намерения выстраивать смысловую линию, акцентируя рост насилия и вражды в современном мире; но так и бывает ведь – происходит что-то случайно, само собой, – а потом мы оглядываемся и в случайном находим затаившийся смысл. Или даже не затаившийся... Намерение же имелось другое: разговор о Чужом, о стереотипах отторжения и вражды, доминирующих в отношении к Чужому, непременно должен включить и противовес этим стереотипам, раскрыть начала, что позволяют их обуздывать и преодолевать. Случай и тут помог: оказалось, что для очередного конгресса по православной духовности – эти конгрессы отменного академического уровня уже четверть века проходят в монастыре Бозе на севере Италии – в 2017 г. избрана тема «Дар гостеприимства», тема о христианском отношении к Чужому. С любезною помощью организаторов, мы ознакомились еще до конгресса с намеченными докладами. Часть из них была включена в наш номер, и в нем сложилась группа статей – работы Д. Морозовой (Украина), М. Плестеда (США), Х. Стамулиса (Греция), – представляющих христианские концепции гостеприимства, страннолюбия, понимания христианина как странника и чужестранца всюду на сей земле. Намерение было осуществлено – но здесь обнаружилось, что вопреки нашим планам, весомого ответа на происходящий во всем мире разгул импульсов неприятия, отталкивания Чужого не складывается. Бесспорно, христианские установки противостоят этим импульсам, но много ли они значат ныне, слышны ли они вообще в гуле сегодняшних глобальных конфликтов, превращающих многие миллионы людей в гонимых Чужих? Указанные работы эрудированны и компетентны, они полезно напоминают непреходящие христианские установки, но они не входят в эти конфликты, они говорят, в основном, о давней истории, касаясь современности лишь бегло и скорей риторически, в слишком общем плане.

Такой вывод заставляет пересмотреть концепцию номера. Вначале она была у нас близка к простой идейной схеме вызов – ответ: есть острые современные кризисы, связанные с проблемой Чужого и развязывающие, активизирующие извечные негативные стереотипы отношения к Чужому; и есть

христианские начала, что способны обуздать эти стереотипы, стать базой для действенной стратегии ответа на их подъем и рост. Однако представленные работы о христианском гостеприимстве не намечают такой стратегии, они разве что подтверждают принципиальное, вневременное христианское отвержение вражды к Чужому. И это значит, что продвигаться к стратегии ответа надо основательнее, *ab ovo*. Необходимо понять стереотипы, подлежащие преодолению, в их природе и сути, а для этого надо заново проанализировать само отношение к Чужому как антропологический, а, возможно, и как онтологический феномен. Но главные статьи номера, посвященные современной ситуации (работы Оберпрантахера и Сиклоди), не идут в эту глубину, они развиваются почти исключительно в политическую и правовую плоскости, оставаясь на уровне социальной реальности.

Констатируя это, мы выходим в иной горизонт рассмотрения проблемы, одновременно и более широкий, и более глубокий. Мы вспоминаем то, что хорошо известно современной мысли: отношение к Другому/Чужому является конститутивным отношением, в нем, из него формируются конституция человека, структуры его личности и идентичности, его модусы субъектности. В свете этого главная тема номера ставится иначе, отходя от прямолинейной злободневности: проблема Чужого – это не только проблема дискриминации, отторжения и гонений Чужого в современном мире; в своем общем виде, это широкая антропологическая проблема дескрипции всего комплекса антропопрактик, реализующих отношение к Чужому. И с учетом конститутивности данного отношения, на первое место встает вопрос о том, какие же парадигмы конституции человека реализуются в нем. Тем самым, фокус теоретического рассмотрения сдвигается с гонимых на гонителей: отношение к Чужому порождает некоторый класс конституций человека – так сказать, «гонительские конституции». Их исследование – наиболее глубокий уровень проблемы Чужого в антропологии. Моя статья, открывающая номер, намечает общие рамки такого исследования на базе аппарата синергийной антропологии. Необходимо учесть, прежде всего, что отношение к Чужому имеет множество форм, градаций. Согласно синергийной антропологии, универсальный механизм конституирования человека – его размыкание в предельном опыте; и потому для идентификации искомого парадигм конституции надо проследить, в каких формах реализуется размыкание человека в опыте отношения к Чужому. Типичные паттерны этого отношения – сторониться, остерегаться Чужого, отталкиваться и замыкаться от него. Широкий спектр этих форм естественно упорядочивается по степени отчуждения и замыкания: если на одном полюсе Чужой – просто Другой, без определенной эмоциональной окраски или даже с оттенком интереса (как в респонзивной феноменологии Вальденфельса), то на другом Чужой – Враг, вызывающий ненависть, вплоть до стремления его физически уничтожить (лютый враг). Как мы показываем, с продвижением по этой «шкале отчуждения» конституция человека делается все более деформированной и ущербной.

С переходом от узкого, злободневно-политического взгляда на проблему Чужого к ее общеантропологической трактовке по-новому видится и внутренняя структура номера. Когда проблема понята широко, в русле проблематики конституции человека, она становится не только темой главного раздела, но по существу также и связующим фак-

тором для всего содержания журнала, ибо затрагивает работы из всех рубрик. Антропологическая реальность во всех своих явлениях, всех аспектах пронизана отношением к Другому/Чужому. Наиболее очевидна эта связь с проблемой Чужого в теме о правах животных, обсуждаемой в статье А.Коэна. Животное – своего рода предельный случай Чужого, и анализируемые Коэном основания и стратегии включения животных в категорию политических субъектов вполне родственны анализу протестного движения и статуса мигрантов в работах Оберпрантахера и Сиклоди.

Не столь очевидны, но интересны и важны связи с проблематикой европейской идентичности, исследуемой в статье А.В. Ахутина. Положение и проблемы мигрантов рассматриваются в статьях номера преимущественно с позиций радикально-демократического подхода. Установки этого подхода направлены априори против всякого истеблишмента, против власти институтов, и это ведет к тому, что мигранты априори считаются правыми во всем, все их действия и требования заранее признаются справедливыми и требующими активной поддержки. Как ярко описано у Сиклоди, притеснением мигрантов считаются даже попытки привлечь их к изучению языка страны, где они хотят жить, приехав туда зачастую нелегально. По сути, со стороны Европы предполагается позиция безусловного и безграничного принятия Чужого: любые пришельцы и в любом числе, включая прибывших нелегально, должны сразу, без всяких предварительных условий и требований, наделяться всей полнотой гражданских прав и возможностей. Но тогда не может не встать вопрос: какими же должны быть Европа и европейский человек, чтобы воплощать такую позицию? Отношение к Чужому здесь должно быть всепринятием, априорной и абсолютной открытостью. Какая же парадигма конституции человека формируется в таком отношении, не является ли она попросту утопической и фантастической? Ответить на этот вопрос нам может помочь концепция Европы, развиваемая А.В. Ахутиным на страницах нашего журнала, в частности и в этом выпуске. Приложение данной концепции к нашей современности – особая задача, но сразу можно сказать, что концепция, как ни странно, не закрывает шанс положительного ответа. Согласно Ахутину, Европа – это уникальный культурный и антропологический проект, заданием и ориентиром которого является, действительно, неограниченная открытость! Концепция описывает ряд исторически преемствующих репрезентаций Номо Euroraeus, в каждой из которых в какой-то мере и каким-то путем выражает себя эта имманентная установка открытости; и, может быть, всего заметней ее печать в «возможном человеке» Возрождения, который рассматривается в этом номере.

Но это, разумеется, лишь принципиальный шанс, и вопрос о том, как выйдет – и выйдет ли? – Европейский Человек из очередного испытания Чужим, остается открытым. Стратегия замыкания для него – измена себе, полярно противоположная стратегия радикальной демократии вызывает большие сомнения, а третья стратегия, которую должно было бы до-ставить христианство с его заповедью страннолюбия, не имеет, на поверку, полноценного современного выражения.

Описанные темы, группирующиеся вокруг проблемы Чужого, составляют жизненный нерв представляемого номера. Наряду с ними, номер проводит и наши уже тради-

ционные мотивы и установки. В фокусе «Фонаря Диогена» изначально был современный тренд детерриториализации философии. В числе основных областей его проявления – сфера психологических и психотерапевтических практик, представленная в номере работами двух крупных специалистов из Греции и Бразилии. Интересно сопоставить эти работы: обе они следуют в русле сочетания психотерапевтического аппарата и проблематики с принципами христианской (и конкретнее, православной) духовности – но как же различно это сочетание! Другая область данного тренда – сфера художественных практик, и хотя она не выделена особой рубрикой, но к ней в номере принадлежат два текста, доклад А.В. Аронсона и статья А. Сиклоди, перекликающиеся между собой. И наконец, здесь же стоит снова отметить и работу Коэна о правах животных, уже под иным углом: как развивающую опять-таки определенный вектор детерриториализации философии, где осуществляется реконфигурация отношения человека и животного (или точнее, «нечеловеческого животного», в терминологии Коэна). Проблема такой реконфигурации была уже поднята в предыдущем выпуске «Фонаря Диогена», в публикации доклада А.И. Олексенко на Семинаре ИСА . Но логика реконфигурации, ее идеи и принципы в этих двух работах совершенно различны, и сопоставление их позволяет сделать полезный вывод о дальнейшем развитии данного вектора. Становится ясно, что ни политико-правовые аспекты проблемы реконфигурации, которыми ограничивается Коэн, ни аспекты эстетические и экзистенциальные, которые рассматривает Олексенко, не охватывают всей проблемы. Необходимо дальнейшее продвижение, которое должно выдвинуть на первый план антропологические и онтологические аспекты: должен возникнуть интегральный дискурс, включающий и Человека, и Животного в некий объемлющий проект – философский дискурс о единстве и единой судьбе Живого.

И в целом, в своей общей линии, «Фонарь Диогена» продолжает развивать антропологию практик – антропологию Диогена, что сменяет антропологию Аристотеля.

С.С. Хоружий